

На правах рукописи

КУМАХОВА ЗАИРАТ ХАСАНБИЕВНА

**КАРТИНА МИРА И ГОРИЗОНТ ПОВСЕДЕНЕВНОСТИ
ЧЕРКЕШЕНКИ XIX – НАЧАЛА XX В.**

Специальность 07.00.07 – Этнография, этнология, антропология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

НАЛЬЧИК 2021

Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

Научный руководитель: Текуева Мадина Анатольевна,
доктор исторических наук,
заведующая кафедрой этнологии,
истории народов КБР и журналистики
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский
государственный университет им. Х.М.
Бербекова»

Официальные оппоненты: Анчабадзе Юрий Дмитриевич,
доктор исторических наук, заведующий
отделом Кавказа ФГБУН «Институт
этнологии и антропологии им. Н.Н.
Миклухо-Маклая Российской академии
наук»

Мутиева Оксана Саидовна,
кандидат исторических наук, доцент,
заведующая кафедрой гуманитарных
дисциплин АГОУ ВО
«Дагестанский государственный
университет народного хозяйства».

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Федеральный научный
центр «Владикавказский научный центр
Российской академии наук»

Защита состоится «__» _____ 2021 г. в _____ на
заседании диссертационного совета Д.212.076.03 по историческим наукам
при ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х.М. Бербекова» по адресу: 360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173,
корп. № __, ауд. ____.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в библиотеке
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М.
Бербекова» и на сайте КБГУ: <http://diser.kbsu.ru/>

Автореферат разослан «__» _____ 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Нальчикова Елена Аниуаровна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Глубокие структурные трансформации социально-политического, экономического и культурного характера определяют современное состояние северокавказского общества. Эти изменения проходят в специфически новом цивилизационном контексте, обусловленном разрушением традиционных основ общественного и личного бытия. На данный момент в науке происходит обновление содержательного пространства, переосмысление научной проблематики, смещение фокуса исторических исследований. Особый интерес вызывают категории, ранее считавшиеся несущественными, такие как картина мира, повседневность, ментальные представления, символические системы, обычаи и ценности, психологические установки.

Парадоксальное сочетание в современном социокультурном пространстве «мифологического», «традиционного» и «современного» кардинальным образом влияет на трансформацию общественного сознания, что приводит к междисциплинарной рефлексии над закономерностями его изменения. Проблема адаптации сегодняшнего северокавказского общества к изменяющимся внешним условиям актуализирует научное исследование гендерных аспектов традиционной культуры, поскольку их устойчивость и динамика обеспечивают непрерывность традиции и одновременно способствуют относительно успешному функционированию социума в новой реальности.

В связи с этим изучение картины мира черкешенки, составляющей универсальные и фундаментальные основы адыгской этнической культуры, имеет большое научное значение. В данных условиях стала явной недостаточность изучения только внешних характеристик жизни черкесской женщины. Заявляет о себе необходимость исследования внутреннего мира черкешенки и ее взгляда на мир и себя. Актуальной научной задачей становится воссоздание целостного образа женщины, включающего в себя как объективную, внешнюю реальность, так и ее субъективное отношение к этой реальности. Более того, на постнеклассическом этапе развития гуманитарного знания именно субъективность выходит на авансцену, что позволяет выстроить объемную картину мира черкешенки, выявить феномены ее сознания, типологизировать категории ее мировидения.

Степень изученности проблемы. Историографическому обзору проблемы изучения традиционного состояния женщины в социуме и культуре адыгов посвящен специальный параграф первой главы. Здесь же следует отметить, что специальных историографических

исследований по этнографии пола не написано. Однако в каждой работе о традиционной культуре содержатся более или менее краткие обзоры, посвященные степени изученности места женщине в адыгской культуре.

В истории изучения адыгской женщины эпохи традиционного общества можно выделить три этапа: 1) XIX - начало XX в. (дореволюционная историография); 2) 1920-е – 1980-е гг. (советская историография); 3) конец 1980-х гг. – начало XXI в. (постсоветская историография). Эти периоды различаются методологическими подходами, кругом затронутых вопросов, и что особенно важно – существенными различиями в определении социального статуса черкешенки XIX – начала XX вв.

В дореволюционной литературе упоминания о более ранних работах встречаются эпизодически, но отражают одну общую тенденцию в описании женского существования – экзотический характер народной культуры черкесов по сравнению с известными, в основном, европейскими представлениями о женском статусе¹.

На советском этапе историографический анализ темы женщины в традиционной культуре укладывался в рамки тезиса «тяжелого положения горянки» и ее «темного прошлого». История изучения вопроса ограничивалась отсылкой к дореволюционным источникам. В публицистике 1920 – 30-х гг. встречается полемика с «буржуазным» взглядом на положение женщин в прошлом². Этнографы

---

¹ Дубровин Н.Ф. О народах Центрального и Северо-Западного Кавказа – Нальчик, 2002; Дубровин Н.Ф. Черкесы (адыге) – Нальчик, 1991.; Броневский – С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – Нальчик, 1999.; Лопатинский Л.Г. Заметки о народе адыге вообще и кабардинцах, в частности // СМОМПК. Вып 12. Тифлис, 1891. С 1-10; Лопатинский Л.Г. Об адыгских народных песнях Предисловие в СМОМПК. Вып. 25. Тифлис, 1898. – С. VIII-XVII.; Лапинский Т. (Тэффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских / Пер. В.К. Гарданова. – Нальчик, 1995. 464 – С.; Люлье Л.Я. Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкес // ЗКОИРГО. Кн. IV. Тифлис, 1862. – С. 121-137; Люлье Л.Я. Учреждения и народные обычаи у шапсугов и натухажцев // ЗКОИРГО. Кн. VII. Тифлис, 1866. – С. 1-18.; Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа – Нальчик, 1994. – С. 68, 73.; Хан-Гирей С. Записки о Черкесии. – Нальчик, 1978.

² Алиев У. Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае (итоги и перспективы). – Ростов н/Д, 1926.; Алиев У., Городецкий Б., Сиухов – С. Адыгея. – Ростов н/Д, 1927.; Алиев У. Очерки исторического развития горцев Северного Кавказа и чужеземного влияния на

послевоенного времени³ акцентировали внимание на истории изучения реалий повседневного быта и места в нем черкешенки. Им следовали и авторы второй половины XX в., актуализировавшие изучение положения женщины в традиционном адыгском обществе и кардинального изменения ее статуса в связи с социалистическими преобразованиями⁴. Однако за кадром этнографических работ стояли

них ислама, царизма и пр. – Ростов н/Д, 1927.; Хубиев И.О. многожестве // Терек, 1923, – № 146; Хубиев И. Прежде и теперь // Труженица Северного Кавказа 1926, – № 5; Хубиев И.О. Горянка на пути к экономическому раскрепощению

³ Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII - первая половина XIX в.). – М., 1967; Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX века / Составление, введение и замечания В.К. Гарданова. – Нальчик, 1965.; Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. – М., 1961. Косвен М.О. Авункулат // Советская этнография. 1948. – № 1. – С. 3-46; Косвен М.О. Аталычество // Этнография и история Кавказа. – М., 1961; Косвен М.О. Семейная община и патронимия. – М., 1963. Лавров Л. И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев. – М., 1959; Лавров Л. И. Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. – Нальчик, 2009; Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978; Лавров Л.И. Убыхи: Историко-этнографическая монография. СПб., 2009; Лавров Л.И. Этнография Кавказа: (По полевым материалам 1924-1978 гг.) Л., 1982; Студенецкая Е. Н. О большой семье у кабардинцев в XIX в. // Советская этнография. 1950. – № 2 – С.176-181; Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. М., 1989.

⁴ Шикова Т.Т. 60 лет автономии Кабардино-Балкарии и эволюция семейно-брачных отношений у кабардинцев и балкарцев // Этнография и современность. – Нальчик, 1984. – С. 72-82; Шикова Т.Т. Об условиях и формах заключения брака у кабардинцев в прошлом (конец XIX – начало XX вв.) // УЗ КБНИИ. – 1959. – Т. XVI. – С. 129-148; Шикова Т.Т. Семья и семейный быт кабардинцев в прошлом и настоящем: автореферат дис. ... к.и.н. – М., 1956. – 14 с.; Коджесау Э.Л. Некоторые пережитки родового быта у адыгейцев в XIX в. // Материалы VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М., 1964. – С.195-199; Коджесау Э.Л. Патронимия у адыгов // Советская этнография. 1962. – № 2. – С.115-119.; Мафедзев С. X Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов в XIX - начале XX века. – Нальчик, 1991. Мафедзев С.Х. Адыги. Обычаи, традиции (адыгэ хабзэ) – Нальчик, 2000; Мафедзев С.Х. Статусы мальчиков и девочек, мужчин и женщин и их роль в нравственном воспитании // Актуальные проблемы феодальной Кабарды и Балкарии. – Нальчик, 1992. – С. 128-141.; Думанов Х.М. Обычное семейное имущественное право кабардинцев (вторая половина XIX-начало XX века)//Вестник КБНИИ. –

идеологические установки, акцентировавшие противоположные взгляды авторов разных лет и различного происхождения на дореволюционный быт горянок и их освобождение при новой власти⁵. Эти положения чаще всего аргументировались соблюдением обычаев избегания, ущемлявших, по устоявшемуся мнению, положение женщины в семье и обществе. Б.Х. Бгажноков⁶, проводя глубокое исследование адыгского этикета, дискутировал с позицией ряда ученых и негативной оценкой института избегания, бытовавшей в этнографии. Его позиция по этому частному вопросу изменила взгляд на положение женщины в повседневных семейных взаимоотношениях.

С конца 1990-х гг. в кавказоведческой литературе появляются новые, с точки зрения подходов и методов, исследования женского культурного пространства. Первые работы по гендерной проблематике предварялись историографическими обзорами в форме краткой аннотации используемых библиографических источников. Характерной чертой современных этнографических работ является выраженный интерес к трансформационным процессам, проходившим в первой четверти XX века и к тому, как эти процессы отражались на жизни адыгской женщины⁷. Вместе с ними появляются и новые подходы к изучению научной литературы по теме. Так, Ю.Ю. Карпов систематизирует этнографические сведения и труды предшественников в русле заданной им самой проблематики. Другой подход в историографическом анализе этнографии пола применила

Нальчик, 1972. - Вып.6. – С. 163-176; Думанов Х. М. Обычное имущественное право кабардинцев. – Нальчик, 1976.

⁵ Шагошев Ш. А. Предвзвещения не вечны. – Нальчик, 1986.

⁶ Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет. – Нальчик, 1978; Бгажноков Б. Х. Адыгская этика. – Нальчик, 2000; Бгажноков Б. Х. Основания гуманистической этнологии. – М., 2003; Бгажноков Б. Х. Черкесское игрище. – Нальчик, 1991; Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет. – Нальчик, 1978; Бгажноков Б.Х. Отрицание зла в адыгских тостах. – Нальчик, 2010; Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. – Нальчик, 1983; Бгажноков Б.Х. Социальная организация семьи: по материалам исторической этнографии адыгов. – Нальчик, 2010; Бгажноков Б.Х. Этнография адыгов – Нальчик, 2011.

⁷ Анчабадзе Ю.Д. Горянка на трибуне (по материалам съездов женщин Северного Кавказа; 1920-1930-е гг.) // Народы Кавказа: этнокультурные традиции и модернизация. Научный сборник, посвященный памяти Г.А. Сергеевой. – Москва, 2016. – С. 213–228; Анчабадзе Ю.Д. Женщина и политические изменения в адыгском ауле (1920-е годы) // Культурная жизнь Юга России. – 2009. – № 4 (33). – С. 54-57.

М.А. Текуева⁸. Она стремится «гендеризировать историографию», т.е. обращает внимание на социально-половую принадлежность автора исследования, подчеркивая особенности постановки аналитических задач женщинами и мужчинами. Это позволяет разглядеть различия между объективными (мужскими) критериями научного исследования и иными интерпретационными подходами к изучению объективной реальности, состоящей из деталей, подробностей и эмоций, присущих женскому взгляду.

История историографии проблемы женского пространства и существования в традиционной культуре адыгов показала, что специального исследования, посвященного истории этнографического изучения темы, в кавказоведении пока нет. Отсюда необходимость специального историографического анализа проблемы, позволяющего подвести общие концептуальные итоги научного изучения.

Источниковая база исследования. При исследовании картины мира и горизонта повседневности черкешенки XIX – начала XX века были использованы различные типы и виды источников. В основу их типологической характеристики положены цели создания исторических источников и их функции в социальной реальности. До начала XX века у адыгов не было своей письменности, что обусловило полное отсутствие эго-документов, способных раскрыть женские представления о мире, отразить ее субъективные переживания и мысли. Поэтому в исследовании приоритет отдается фольклорным

---

⁸Текуева М. А. Гендер как социокультурный конструкт адыгского общества: дис. ... д-ра исторических наук: 07.00.07 – Нальчик, 2006; Текуева М.А. Архетипическое сознание и мифологические представления в гендерной картине мира адыгов // Вестник КБГУ. 2002. Вып. 5. – С.284-294; Текуева М.А. Гендерные архетипы народов Северного Кавказа (по нартскому эпосу) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2015. – № 6-1 (68). – С. 154-158; Текуева М.А. Женщины в Кавказской войне: скорбь и слезы или подвиг и честь? // Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания) Ч. I. – Нальчик, 2014. – С. 173-180; Текуева М.А. К вопросу о частной жизни адыгской женщины // Исторический вестник. 2006. Вып. III. – С. 340-364; Текуева М.А. Мир интимных переживаний в традиционной культуре адыгов // Научная мысль Кавказа. 2007. – № 3 (51). – С. 60-69; Текуева М.А. Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность. – Нальчик, 2006; Текуева М.А. Повседневная хозяйственная деятельность женщины в традиционном адыгском обществе // Вестник Дагестанского научного центра Российской Академии наук. 2006. – № 3(24). – С. 76-80.

источникам, по сути, более всего приближенных к личным документам. Фольклорные источники, в свою очередь подразделяющиеся на несколько видов. Нартский эпос был привлечен для изучения следов архаических и мифологических представлений в картине мира черкешенки XIX – начала XX в. Через изучение образов героического эпоса и его ярких женских персонажей: Сатаней-гуаще⁹, Малечипх¹⁰ и Адиюх¹¹ и других, не столь выдающихся героинь, можно проследить истоки складывания народных представлений о предназначении женщины и женском идеале, который стал воплощением глубокой мудрости, особого жизненного опыта и природной гармонии. Пристального изучения заслуживают народные песни. В советское время записью и изданием народной музыки и поэзии в разные годы занимались Т. Борукаев, Б. Балкаров, М. Талпа, Н. Цагов, А. Шортанов и др.¹² Наиболее полным изданием народной музыки и текстов можно считать четырехтомное издание¹³, составленное З.П. Кардангушевым и В.Х. Барагуновым под редакцией Е.В. Гиппиуса. Одним из самых информативных источников, использованных в данном исследовании, стали фольклорные тексты, изданные в сборнике «Адыгские песни времен Кавказской войны»¹⁴. В адыгских народных сказках и преданиях содержатся сюжеты, в которых женщины предстают в нетипичных для себя ролях, часто берут на себя обязанности мужчин, транслируя, таким образом, взгляд общества на женские

---

⁹ Как родился Сосуко; Сказание о рождении Сосуко; Сказ о том, как вырос Сосуко; Как Сосуко женился на дочери Тлепша; Песня плач Сатаней // Нарты. Адыгский героический эпос. (Пер. Алиевой А. И. Вступит. статья Шортанова А. Т.) – М., 1974. – С. 189, 190, 190, 220, 227.

¹⁰ Сказание о Малечипх; Малечипх; Сказание о Малечипх // Нарты. Адыгский героический эпос. (Пер. Алиевой А. И. Вступит. статья Шортанова А. Т.) – М., 1974. – С.326, 330, 335.

¹¹ Адиюх; Дом Адиюх; Муж Адиюх утонул в реке; Отчего гора красная; Нарт Сосуко и Адиюх // Нарты. Адыгский героический эпос. (Пер. Алиевой А. И. Вступит. статья Шортанова А. Т.) – М., 1974. – С.337, 337, 338, 389.

¹² Кабардинский фольклор / общ. ред Г.И. Бройдо, вступ. статья, комментарии и словарь М.Е. Талпа. Л., 1936.

¹³ Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов.: Антология / Под ред. Е.В. Гиппиуса. – М., – Т. 1. 1980; Т.2. 1981; Т3.Ч.1. 1986. Т.3.Ч.2. 1990.

¹⁴ Адыгские песни времён Кавказской войны. – Нальчик, 2014.

возможности¹⁵. Пословицы и поговорки – семантический источник для определения этнического мироосмысления и женского сознания¹⁶.

Вторым видом источников, характеризующим положение черкешенки в обществе, и предоставляющим разнообразный этнографический материал, являются записки европейских путешественников и миссионеров, посетивших Северо-Западный и Центральный Кавказ в XIX веке. Это Генрих-Юлиус Клапрот¹⁷, Иван Федорович Бларамберг¹⁸, Дж. А. Лонгворт¹⁹, Карл Кох²⁰, Тебу де Мариньи²¹, Джеймс Белл²².

Отдельным корпусом источников являются работы адыгских просветителей – этнографические труды и художественные произведения, созданные на основе собранных ими же народных сказаний, преданий, песен²³.

---

15 Адыгские народные сказки и сказания / Сост. и автор предисл. Ш.Х. Хут. – Майкоп, 1993.

16 Блягоз З.У. Жемчужина народной мудрости. Адыгейские пословицы и поговорки на адыг. и русс. яз. – Майкоп, 1992.

17 Клапрот Г.Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах по приказанию русского правительства Юлиусом фон Клапротом, придворным советником Его Величества императора России, членом Академии Санкт-Петербурга. – Нальчик, 2008.

18 Бларамберг И.Ф. Историческое топографическое статистическое этнографическое и военное описание Кавказа. – Нальчик, 1999.

19 Лонгворт Дж. А. Год среди черкесов // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик, 1974. – С. 531-584.

20 Кох К. Путешествие по России и в Кавказские земли // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик, 1974. – С. 585-629.

21 Тебу де Мариньи. Путешествие по Черкесии. – Нальчик, 2002.

22 Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик, 1974. – С. 458-531.

23 Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. – Нальчик, 1994. Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов // Хан-Гирей С. Черкесские предания. – Нальчик, 1978; Хан-Гирей С. Черкесские предания. – Нальчик, 1989; Хан-Гирей С. Записки о Черкесии. – Нальчик, 1978; Кашежев Т. Свадебные обряды кабардинцев // Туганов Р.У. Талиб Кашежев. – Нальчик, 1981. – С.86-108; Адыль-Гирей Кешев. Избранные произведения. – Нальчик, 1976; Кази-Гирей Ахметуков. Избранные произведения. – Нальчик, 1976.

Четвертая категория источников – это материалы обычного права, которые служат для изучения имущественного и правового положения черкешенки. Они могут быть извлечены из сборников адатов ²⁴ или опубликованных архивных материалов, содержащих судебные иски в отношении женского наследования, имущества, разводов, фактов похищения девушек и т.д.²⁵.

Цель работы: осуществление аналитической реконструкции картины мира черкесской женщины XIX – начала XX века. Предмет исследования рассматривается в контексте обыденных переживаний и забот женщины, что позволяет определить горизонт ее повседневности.

В соответствии целью были поставлены следующие **задачи**:

- систематизировать, обобщить, типологизировать источники, использованные в исследовании, и составить историографический обзор научной литературы, в которой так или иначе рассматривались вопросы женского поля в традиционном адыгском обществе;
- выявить наиболее эффективные для изучения предмета настоящей диссертации исследовательские стратегии;
- определить основные категории картины мира черкесской женщины и их влияние на ее повседневную жизнь;
- изучить влияние, оказанное нартским эпосом на мировоззрение черкешенки;
- проследить отображение картины мира черкешенки в фольклорных источниках XIX – начала XX века;
- рассмотреть внешнюю реальность, в которой протекала жизнь черкешенки XIX–начала XX в., т.е. изучить ее хозяйственную деятельность и повседневный быт, проанализировать имущественный и правовой статус.

Объект исследования – женщины в традиционном адыгском обществе. Мы обобщенно называем их экзоэтнонимом «черкешенки»,

---

²⁴ Леонтович Ф. И. Адааты Кавказских горцев // Материалы по обычному праву Северного и восточного Кавказа. – Нальчик, 2002. Вып. 2.; Ладыженский А.М. Адааты кавказских горцев. М. 1928 г.; Материалы Я.М. Шарданова по обычному праву кабардинцев 1-й пол. XIX в. / сост. Х.М. Думанов. – Нальчик, 1986.

²⁵ Думанов Х. М. Обычное имущественное право кабардинцев. – Нальчик, 1976.; Думанов Х.М. Социальная структура кабардинцев в нормах адата. – Нальчик 1990; Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX века / Составление, введение и замечания В.К. Гарданов. – Нальчик, 1965.

романтизированным классиками русской литературы, что создает ассоциативное поле и приближает к пониманию **предмета** исследования, в качестве которого выбрана картина мира черкесской женщины XIX – начала XX в. и повседневная реальность, в условиях которой проходило формирование ее миропонимания. Очевидно, что социальный состав женского населения на территории проживания адыгов был неоднороден, но в работе рассматриваются универсальные основания этногендерного сознания.

Хронологические рамки исследования – XIX в. – начало XX века. Акцент исследовательского внимания к данному периоду обусловлен тем, что на это время приходится ряд социально-политических кризисов в истории Северного Кавказа (антиколониальное движение, земельная и крестьянская реформы, массовое выселение в Османскую империю, перестройка экономики края и пр.). Все это оказало заметное влияние на трансформационные процессы в традиционной культуре и повседневной жизни. В связи с этим остро вставали вопросы сохранения этнической идентичности, сохранения или изменения ментальных представлений коренных этносов, и роль женщины в этих процессах была значительна. Время перемен выходит на новый, революционный виток в 1917 году, с которого начинается значительная коррозия традиционного сознания и разрушение традиционных основ жизни, что определяет верхний хронологический рубеж исследования.

Географические границы исследования охватывают ареал компактного проживания адыгских субэтносов на Северо-Западном (Прикубанье и Северное Причерноморье) и Центральном Кавказе (Кабарда) в XIX – начале XX века. В результате колонизации Кавказа адыги оказались в составе Кубанской и Терской областей, современные границы установились в период советского административно-территориального деления (Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия).

Научная новизна предлагаемого исследования связана с тем, что:

– предпринят комплексный историографический анализ исследуемой проблемы, выявлены основные тенденции в советской и постсоветской историографии вопроса;

– для изучения феноменов сознания черкесской женщины был привлечен обширный корпус источников фольклорного характера. При остром дефиците письменных источников личного характера восстановить картину мира женщины

прошлого представляется возможным только через анализ ее репрезентаций в народном поэтическом творчестве;

– предмет настоящей диссертации был изучен с помощью комплекса методов, заимствованных из других областей гуманитарного знания, что придало работе междисциплинарный характер. Наиболее актуальными исследовательскими стратегиями стали феноменологический и гендерный анализ. Феноменологический метод позволил переместить акцент со стереотипных представлений о черкесской женщине как о второстепенном разделе этнографии, превратив ее в активный, творящий субъект смыслопорождения. Гендерный анализ позволил «услышать» женский голос и определить ее место в культуре адыгов;

– выявлены основополагающие категории сознания черкесской женщины, из которых складывается ее картина мира. Изучение картины мира позволяет составить представления об этноментальных основаниях женского сознания;

– изучение объективной реальности, в которой пребывала черкесская женщина, определение ее имущественных прав и социального статуса, реконструкция повседневного течения ее жизни были рассмотрены в контексте субъективного понимания черкешенкой собственного положения в обществе.

Научно-практическая значимость диссертационной работы состоит в освещении ряда малоизученных аспектов адыгской культуры, особенно той ее части, что определяет женское сознание и женскую повседневность. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы в ходе дальнейшего изучения женской истории адыгов, при написании курсов лекций и учебных пособий по антропологии и культурологии народов КБР, а также в качестве материалов для составления предложений экспертными комиссиями по работе с различными категориями населения.

Теоретическо-методологическим основанием работы стали исследовательские стратегии, зародившиеся в исторической науке в XX в. и положившие начало изучению человека прошлого во всех его проявлениях и состояниях. Введение *школой «Анналов»* в научный оборот термина «mentalite», позволило историкам сосредоточить свое внимание на эмоциональном мире изучаемого объекта, обратить внимание, в том числе, и на влияние гендера на восприятие и переживание людьми внешней реальности. Стала возможной

перспектива всестороннего, тотального изучения социокультурного феномена черкесской женщины в максимально возможном количестве аспектов. Последователь школы «Анналов» в России, А.Я Гуревич выделил основные категории *картины мира* человека, свойственные представителю любой культуры прошлого и настоящего. Разработанный им подход к реконструкции субъективной реальности стал методологической базой данной диссертации.

Применение *цивилизационного подхода* позволило изучить традиционную культуру адыгов и место в ней женщины как части уникальной северокавказской цивилизации. *Антропологический поворот в гуманитарной науке* ознаменовался именами таких исследователей как К. Леви-Стросс и К. Гирц. Их методологические труды в настоящей диссертации были использованы как инструмент анализа ценностных систем, обычаев и традиций, психологических установок адыгской женщины. Повседневный быт черкешенки, круг ее хозяйственных обязанностей, ее роли в качестве хозяйки и домоправительницы исследованы в русле *истории повседневности*.

Фундаментальными исследовательскими стратегиями в настоящей диссертации стали *феноменологический* и *гендерный подход*. Феноменологический подход позволил реконструировать ее картину мира. Внешние атрибуты жизни черкешенки, с помощью этого подхода, рассматриваются как факторы ее внутреннего бытования. С помощью гендерного подхода исследовательские задачи диссертации были решены посредством выявления сущности и способов бытования социальных конструкторов мужского и женского в черкесской социокультурной реальности.

В последние десятилетия остро востребованным способом научного исследования становится междисциплинарность. Привлечение достижений смежных наук: культурологии, этнологии, социологии, психологии и т.д. позволило разносторонне реконструировать и выявить узловые точки картины мира черкесской женщины, воссоздать горизонт ее повседневности.

Среди специально-исторических методов можно выделить *историко-генетический метод*. Его применение позволяет проследить трансформацию категории мужественности, в сознании черкешенки произошедшую под влиянием Кавказской войны. Использование *историко-сравнительного метода* дает возможность сравнить уровни и возможности общественного влияния женщины в зависимости от ее социального статуса. Выделить различные категории в картине мира черкешенки, опираясь на социальную реальность которую

репрезентуют нам источники, позволяет *историко-типологический метод*. Историко-системный анализ выявляет элементы, конструирующие горизонт повседневности адыгской женщины: социальный статус, правовой статус, имущественное положение, круг ее хозяйственных обязанностей.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют принципы историзма (рассмотрение явлений и событий во взаимосвязи и взаимообусловленности в конкретно-исторической обстановке и в хронологической последовательности), объективности (стремление сделать исследование предельно достоверным).

Апробация исследования. Основные вопросы, исследованные в диссертации, освещались в статьях, тезисах и докладах, представленных на региональных, всероссийских, международных научных конференциях посвященных актуальным проблемам истории, этнографии, этнологии и антропологии. Так, отдельные положения диссертации были представлены во Владикавказе: Всероссийская (с международным участием) молодежная научная школа-конференция «Актуальные проблемы исторической науки: взгляд молодых ученых», 2014; Школа – семинар молодых ученых «Современная методология гуманитарного исследования», посвященный Дню академической науки, 2014. В Пятигорске: Международная научно-практическая конференция аспирантов, магистрантов и студентов «Научный потенциал молодежи в решении задач модернизации», 2014; Всероссийская научно-практическая конференция аспирантов, магистрантов и студентов «Стратегия развития Северного Кавказа: новый взгляд на решение проблем», 2015. В Нальчике: VIII Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых «Наука и устойчивое развитие», 2013; Международная научная конференция молодых ученых, аспирантов и студентов «Перспектива», 2014. По теме диссертации опубликовано 14 статей, из них 4 – в изданиях, рекомендованных ВАК.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Феноменологический подход является наиболее продуктивным при реконструкции картины мира и горизонта повседневности черкешенки XIX –начала XX в. Его применение позволяет изучить не только внешние характеристики жизни черкешенки, но и понять ее внутренний мир.

2. Источниками, позволяющими раскрыть картину мира и несущими в себе отпечаток эмоций черкешенки, являются различные виды народных сказаний и песен, пословицы и поговорки. Через

изучение фольклорной поэзии выявляются идеальные образы в мировоззрении черкесской женщины, а пословицы метафорически обобщают бытовые, повседневные ситуации.

3. В картине мира черкесской женщины определяется ряд категорий, формирующих ее сознание. Эти категории можно типологизировать следующим образом:

- трансцендентальные: бог, смерть, потусторонний мир и т.д.,
- социальные: детство, старость, богатство, бедность и т.д.,
- категории психологические: любовь, гордость, честь, и т.д.

4. Адыгская женщина видела свой мир и себя в этом мире через призму выросших вместе с ней и неотделимых от ее сознания мифов и легенд, где женщина была активным лицом, от которого нередко зависели жизнь и благосостояние окружавших ее, казалось бы, сильных и независимых мужчин, что отражалась в фольклорных источниках.

5. Социокультурной константой мира черкесской женщины являлся феномен мужчины: отца, мужа, брата, сына. Представления о мужественности основывались на таких категориях как: честь, храбрость, доблесть, справедливость, мудрость и т.д.

6. Существовала коллизия в положении женщины в обществе и внутри семьи: черкешенка, не обладая формальным влиянием в обществе, но используя социальные практики, такие как воспитание, уход, беседы и т.д., оказывала косвенное влияние на мужчину, его решения и поступки и реализовывала свои представления о мужественности.

Структура работы. Структура диссертации соответствует поставленной цели и обусловлена сформулированными задачами. Работа состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обоснована актуальность темы диссертации, охарактеризована степень научной разработанности, сформулированы цель и задачи, определены хронологические и территориальные рамки, методологические принципы, а также объект и предмет исследования, проанализирована источниковая база исследования, раскрыты научная новизна и практическая значимость, приведены сведения о научной апробации результатов исследования.

В первой главе **«Проблема реконструкции женской ментальности в традиционном черкесском обществе»**, состоящей из

трех параграфов, проанализирована теоретико-методологическая база исследования, проведен историографический и источниковый обзор.

В *первом параграфе* первой главы решается задача выявления *исследовательских стратегий* для реконструкции картины мира и горизонта повседневности черкесской женщины XIX – начала XX века. В последние годы изучение женского мира в культуре и социальной жизни черкесов обогатилось новым методологическим инструментарием. Применение гендерного подхода предоставило исследователям возможность включить в исторический канон историю женщин, продемонстрировать, что женщины не были молчаливой массой, во всем подчиняющейся мужчинам, и не имеющей собственных взглядов и идей. Гендерология наглядно показала, что женщины были силой, с которой следовало считаться и даже на патриархальном, традиционном в основе своей Северном Кавказе, женская история постепенно занимает существенное место в историческом научном сообществе.

Феноменологический подход позволил нам сместить фокус изучения и исследовать внутренний мир черкесской женщины через внешние факторы ее повседневного бытия. Исследование проблем феноменов сознания черкесской женщины в XIX – начале XX вв., объективной реальности, в которой она существовала, имущественных и социальных прав, которыми она обладала, предполагает комплексное использование научных подходов, обеспечивающих междисциплинарный характер настоящего исследования.

Второй параграф первой главы посвящен *источниковому обзору*. Применение новых методологических подходов к исследованию жизни черкесской женщины, анализ категорий ее сознания с точки зрения феноменологии привел к принципиально новому восприятию уже известных адыговедению источников. Привлекавшие интерес ученых с точки зрения сюжетной фабулы фольклорные произведения и этнографические нарративы при реконструкции сознания женщины репрезентуют совершенно новую информацию и раскрывают неизвестные грани жизни традиционного общества. Приоритет использования фольклорных источников перед другими этнографическими материалами связан с тем, что при изучении картины мира черкешенки в прошлом данный вид источников является единственным, раскрывающим личные, эмоциональные переживания женщины, не имевшей возможности письменной вербализации своих мыслей и переживаний, и служат

заменой источникам личного характера, т. е. письмам, дневникам, мемуарам.

Так, песни-притчания и жалобные песни, служившие ранее подтверждением тезиса об угнетенном положении женщины, теперь отвечают на вопросы об отношении женщины к (не)конструированию собственной судьбы и личной несвободе. В этнографических исследованиях предыдущих лет свадебные песни анализировались на предмет представлений о выработанных идеалах женской красоты и поведения. Теперь они раскрывают нам тот груз стереотипных ожиданий, которым, под давлением общественного мнения, вынуждены были соответствовать девушки. В песнях детского цикла двойственность женского сознания в отношении судеб своих сыновей. Анализ фольклорных текстов показывает, как женщины, с одной стороны, противостояли войне всем укладом своей жизни, с другой стороны, с колыбели направляли детей на военные подвиги, бесстрашие и соответствие общественным ожиданиям, что отражало материнскую роль в формировании мужского характера.

Лирическая поэзия, которая редко привлекалась в качестве этнографического источника, используется нами для изучения интимных переживаний черкешенки, ее отношения к семейному счастью, к мужчине, к окружающему миру. Особенное место в песенной культуре занимают песни-плачи (гыбзэ). Описывая трагические страницы жизни адыгов, они изучались, как подтверждение воинской доблести адыгских мужчин. Применение феноменологического метода позволило взглянуть на эти тексты с нового ракурса, увидеть в них материал для понимания феноменов войны, смерти, трусости, предательства и т.д. в сознании женщин прошлого.

Особое значение для проведения данного исследования отведено адыгскому героическому эпосу «Нарты». Анализ его текстов, классифицированных с применением теории юнгианских архетипов, позволяет сделать выводы о формировании фундаментальных архетипов женщины в этнокультурном контексте: женщины-матери, девы, женщины-воительницы, богини смерти, подруги, ведьмы-демиурга и др. Мифологические образы вкладывают определенные смыслы в женское предназначение, в формирование ее сознания, наделяют женщину знанием и мудростью.

Анализ пословиц и поговорок; сказок и преданий позволил установить пределы женского повседневного существования,

определить «хорошее» и «плохое», дозволенное и запрещенное, правильное и неправильное.

Нарративные источники, представленные трудами западноевропейских авторов, путешествовавших по Кавказу в XIX веке, составили серьезный блок сведений для изучения социального статуса адыгской женщины, понимания ее отношения к собственной жизни и окружающему миру. Отличительной чертой этих текстов, определивших подход к их интерпретации в данной работе, является два важных фактора: (1) все они принадлежат мужскому авторству, и (2) это взгляд на экзотику чужого образа жизни представителями иной культуры. В результате представление о предмете имеет хоть и субъективный, но ценный сравнительно-этнографический характер. Дополнение их сведениями из историко-этнографических трудов и художественных произведений адыгских просветителей XIX – начала XX вв. дало возможность углубить анализ изучаемой задачи. Просветительские тексты также имеют исключительно мужское авторство и отводят женский вопрос на периферию своего внимания, но при этом являются аутентичными свидетельствами. Изучение источников по обычному праву адыгов позволило определить юридические ограничения ментальной (не)свободы женщин.

В *третьем параграфе* первой главы проведенный *историографический анализ* позволил выделить несколько этапов в исследовании женской истории. Дореволюционные авторы впервые обращаются к положению адыгской женщины и ее общественному статусу. Они рассматривают женскую историю с «мужской» точки зрения, а черкешенке уделяют не больше внимания, чем описанию хозяйственной деятельности или материальной культуры. В этот период было выработано несколько парадигм в истории изучения черкешенки. По одной из концепций первых адыгских историков и этнографов, женщина считалась бесправной рабыней своего мужа. По второй, социальная дискриминация женщины не лишала ее полностью неформального авторитета в обществе. Авторами третьего (колониального) взгляда на положение женщины в адыгском обществе были русские исследователи. В их трудах население края в целом, и женщины в частности, представляли собой дикие туземные племена.

Второй (советский) период историографии женского вопроса у адыгов характеризуется повышением интереса к статусу кавказской женщины. Советские исследователи подчеркивали необходимость изменения положения черкешенки. Идеологическая установка, направленная на необходимость вовлечения горянки в общественно-

политическую жизнь, требовала срочных мер по освобождению женщины от патриархальных порядков с помощью социалистических идей. Политика эмансипации была нацелена на укрепление собственного авторитета, увеличение числа рабочих рук за счет горянок и расширение социальной базы. Несмотря на ярко выраженную идеологическую направленность исследований, в работах советских этнографов и историков накоплен значительный фактологический материал.

В постсоветский период исследовательское поле женской истории и этнологии значительно расширяется. Рассматриваются не только социальные отношения, правовые и имущественные статусы, но и значение женского культурного пространства. Гендерная история, набирающая популярность во всем научном мире, делает первые шаги и на Кавказе. Предпринимаются попытки понять не только объективные реалии жизни черкешенки, но выяснить скрытые от глаз современников вопросы ее частной, интимной жизни. Женщины-исследователи презентуют «женский» взгляд на повседневную жизнь, раскрывают имплицитные стороны существования черкешенки.

Несмотря на проделанную исследователями предыдущих лет работу, нераскрытыми остается ряд вопросов по изучению внутреннего мира черкешенки.

Вторая глава **«Картина мира черкесской женщины XIX – начала XX в.»** состоит из трех параграфов, в которых выявляются феномены сознания черкесской женщины и анализируются категории ее внутреннего мира.

В первом параграфе *«Следы архаических и мифологических представлений в картине мира черкешенки»* выделенные три архетипа (прародительницы, жены, юной девы) позволили приблизиться к пониманию восприятия этих женских социальных ролей не только архаическим сознанием, но и традиционным адыгским обществом XIX века. Сопоставление мифологического текста с источниками гораздо более позднего исторического этапа дает нам возможность проследить, насколько неизменно сакральным было для адыгов отношение к Матери. На протяжении веков статус и слово женщины-родительницы остается тем, что вызывает преклонение и признание со стороны черкесского военизированного мужского общества.

Следующий архетип, выделенный в работе – архетип девы/девственницы. Сочетание в образе эпической героини Адиюх типично женских черт характера (кротость, покорность, ласковость) с мстительностью и злонамеренностью эксплицирует амбивалентность

восприятия «женского» адыгским обществом. Сохранение этой двоякости женского характера и поступков наблюдается нами в более позднее время. Так, песни-гыбзэ периода Кавказской войны раскрывают нам способность женщины с помощью, уже не магических способностей, а только лишь слов, либо прославить мужчину, либо наказать его за недостойное поведение / поступок лишив статуса в глазах народа.

Третий архетип более позднего времени – архетип жены. Он изучен нами по образу героини цикла сказаний о Малечипх. Ужесточение патриархального строя трансформирует социальный статус женщины и вынуждает ее вырабатывать новые стратегии поведения, новые приемы влияния на общественные процессы. Как и эпический персонаж, женщина-жена оказывается в тени мужчины, формируя при этом его общественный авторитет, его реноме, «одалживая» ему собственный ум и опыт, проявляя самоотверженность, используя свою хитрость (осторожность), дальновидность (дипломатичность).

Во втором параграфе *«Трансцендентальные категории сознания»* категории сознания черкешенки разделены на следующие виды: трансцендентальные, социальные, психологические. Представления о боге, пространстве, времени, потустороннем мире, магии и смерти обозначены как трансцендентальные. Пространственно-временные представления женщины адыгского общества базировались на близости к ее родному очагу, и на хозяйственных занятиях. Пространство понималось ею в соотношении близости/дальности от своего собственного места проживания. Темпоральные переживания делились на два вида. Первое время – «реальное» – связано с выполнением того или иного дела: заботами о семье и домохозяйстве, приготовлением и подачей еды, шитьем и вышиванием. Это время было измеряемым и фиксированным. Другое время, с другим осмыслением – время «психологическое». Оно основывалось на эмоциональных переживаниях женщины: ожидании мужа или сына из похода, свидании с возлюбленным, потерей близких и т. д.

В картине мира адыгской женщины существование бога и его всемогущество не подвергалось сомнению. Интерес представляет синкретизм свойственный всей адыгской культуре. Это проявляется, например, в тождестве обозначений бога именами верховного божества адыгского пантеона «Тхъэ» и его исламского имени «Аллах», прослеживается в текстах некоторых народных песен и

свидетельствует о подспудной убежденности женского сознания в единстве божественного начала. Вера в бога не препятствовала существованию в сознании черкешенок суеверий, представлений о потустороннем мире и следованию в повседневной жизни магическим ритуалам. Присутствуя в каждодневных действиях женщины, заговоры и «нашептывания» были обыденностью, а необходимость и действенность этих ритуалов не вызывала никаких сомнений.

В системе ценностей адыгов смерть не имела значения отдельного взятого явления, важно было то, как и почему умер человек. Воспринимая смерть как неизбежность, от которой никому не спастись, ни бедному не богатому, адыги считали, что важно лишь то, как ты принял смерть. В картине мира черкешенки феномен смерти более всего был связан не со страхом собственной смерти, а со страхом потерять близких людей, потерять устоявшийся мир и порядок, который в нем сложился.

В третьем параграфе *«Психологические феномены сознания»* анализируются такие феномены сознания как любовь (материнская любовь, любовь к членам семьи, любовь к мужу), ревность, честь, гордость, патриотизм. Несмотря на военизированный образ жизни адыгов и присущую им сдержанность в эмоциональных проявлениях тема любви, особенно любви трагической, ярко отражена в лирических народных песнях. Исследование этих чувственных переживаний подводит к выводу о глубине духовных волнений, свойственных черкешенкам. Сила эмоций, испытываемых черкешенкой такова, что она могла совершать во имя своей любви поступки, преступающие социальные, а иногда и моральные барьеры традиционного общества. Вынужденные подчиняться устоям социума, где каждый шаг и взгляд был регламентирован и подвергался обсуждению и осуждению женщины скрывали свои чувства и могли их выразить лишь в любовных песнях.

Такие феномены как гордость, честь, патриотизм в черкешенском обществе, ассоциировались в первую очередь с мужчинами, их образом жизни, воспитанием и поступками. Но народная память сохранила свидетельства о том, как женщины проявляли эти чувства с не меньшей силой, жертвовали своей жизнью, чтобы сохранить свою честь, совершали подвиги, проявляя патриотизм.

В третьей главе **«Горизонт повседневности черкешенской женщины XIX – начала XX в.»** состоящей из двух параграфов реконструирована повседневная жизнь черкешенки, круг ее хозяйственных обязанностей и изучен ее статус в обществе.

В первом параграфе третьей главы была проанализирована повседневная хозяйственная деятельность черкесской женщины. Обозначены два определяющих ее круг обязанностей обстоятельства: сословная принадлежность и семейный статус. В то же время обыденные хозяйственные занятия женщины формировали ее сознание, самоощущение, определяли ее место в мире. Сама женщина не только понимала значимость своего труда, она сакрализовала орудия своего производства: иголку и веретено, придавая своим действиям с ними мирозозидающее значение. И весь миропорядок она объясняла в терминах освоенных ею творческих дел, где горянка могла проявить самостоятельное видение процесса и результата.

Во втором параграфе описано конструирование социального, имущественного и правового статуса адыгской женщины. Анализ изученных материалов позволил прийти к выводу, что черкешенка, не имея возможности прямого участия в политической и общественной жизни, тем не менее, обладала иными механизмами воздействия на решения общины, в том числе, специфическим женским подходом к решению, казалось бы, очевидных вещей. Черкешенке удавалось воздействовать через своих близких мужчин: мужа, сыновей, братьев, - на жизнь общества в целом. Внешняя привлекательность являлась инструментом возвышения статуса женщины в адыгском социуме. Адыгская женщина могла получить признание, уважение и почитание благодаря и своим личностным характеристикам.

В **Заключении** сформулированы основные выводы диссертационного исследования.

Концептуализация категорий сознания черкесской женщины, выявление феноменов формировавших ее внутренний мир, позволили переосмыслить сложившийся ранее стереотипный образ, зачастую ограничивавшийся перечислением внешних характеристик черкешенки.

Существующие в сознании черкешенки концепты ее картины мира влияли на формирование традиционных гендерных стереотипов, на воспроизведение конструктов женского поведения. Изучение ментальности адыгской женщины, факторов, повлиявших на ее мировоззрение, условий женского повседневного существования дают средства для понимания адыгской этнической традиции. Исследование женского сознания и повседневности, анализ ее личных переживаний и субъективного личного опыта позволяет, с одной стороны, расширить границы познания женской истории Кабарды и западной Черкесии, а с

другой, приводит кавказскую женщину к пониманию возможностей своего гендерно-универсального, но этно-специфического потенциала.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Публикации в ведущих научных рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ:

1. Коновалов А.А., Кумахова З.Х. Методологические аспекты реконструкции внутреннего мира черкешенки XIX – начала XX вв.: К постановке проблемы. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 7 (57): в 2-х ч. – Ч. II. – С.86–89.
2. Коновалов А.А., Кумахова З.Х. Фольклор и феномены сознания черкешенки XIX – начала XX вв // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. – Т.5, – №2, 2015. – С. 58– 61.
3. Кумахова З.Х. Феномены пространства и времени в картине мира черкешенки XIX – начала XX в. // Genesis: исторические исследования. – 2018. № 9. – С. 73–79.
4. Кумахова З.Х. Осмысление социального статуса адыгской женщины в исследованиях европейских авторов XVII–XIX вв. // Вестник Владикавказского научного центра.2019. – №1 – С.34-37.

Публикации в сборниках, журналах, материалах конференций:

5. Коновалов А.А., Кумахова З.Х., Фольклор как исторический источник при изучении образа черкешенки XIX – начала XX вв. // Наука и устойчивое развитие: Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. – Нальчик, 2013. – С.155–157.
6. Кумахова З.Х. Следы архаических и мифологических представлений в картине мира черкешенки // Материалы Международной научной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов «Перспектива - 2014». Том IV. – Нальчик, 2014. – С. 288–292.
7. Кумахова З.Х. Черкесская женщина XIX – начала XX в. и мир детства: репрезентация в фольклоре // Материалы III Международной научно-практической конференции аспирантов, магистрантов и

студентов «Научный потенциал молодежи в решении задач модернизации» –Пятигорск, 2014. – С.101–102.

8. Кумахова З.Х. Имущественное и правовое положение черкешенки XIX – начала XX вв. // Материалы 2-й Всероссийской (с международным участием) молодежной научной школы-конференции «Актуальные проблемы исторической науки: взгляд молодых ученых». – Владикавказ, 2014. –С. 115–1220.

9. Кумахова З.Х. Образ картины мира черкешенки в народной песенной культуре // Школа–семинар молодых ученых «Современная методология гуманитарного исследования», посвященной Дню академической науки. – Владикавказ, 2014. – С.144–148.

10. Кумахова З.Х. Повседневная хозяйственная деятельность черкесской женщины XIX – начала XX вв. // Стратегия развития Северного Кавказа: новый взгляд на решение проблем. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, аспирантов, магистрантов и студентов. – Пятигорск, 2015. – С.60–64.

11. Кумахова З.Х. Категория «мужественность» в картине мира черкешенки: традиции и современное прочтение // Миссия антропологии и этнологии: научные традиции и современные вызовы сборник материалов. 2017 – С. 275.

12. Кумахова З.Х. Картина мира черкешенки XIX века: возможность феноменологического подхода // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2016. – Т. 16. – № 2. – С. 75–79.

13. Коновалов А.А., Кумахова З.Х. Картина мира черкесской женщины XIX в.: методология и направления исследований // Кавказология. 2017. – № 3. –С. 140-154.

14. Kumakhova Z. H. A.I. Musukayev , I.I. Maremshaova , S.L. Akkieva Existential Phenomena Of Circassian Woman Consciousness In Xix - Xx Centuries // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS.2019. Pages:980-989.